



Огонь, вода и медные трубы

Запасливая прабабка заранее приготовила розовую куколку и не преминула показать.

— Вот она. Я раньше всё девочек да девочек покупала, а это — мальчик. Смотрите, какой хорошенький...

Я только тупо кивнул головой. Сама же Нина Александровна просто светилась от предвкушения вручения подарка и эффекта от «мальчика». Сделала очередной поход к неведомому мне хранилищу и вернулась с подушечкой, сплошь усыпанной наградами. И здесь у меня захватило дух: ордена Отечественной войны и Красной Звезды, две медали «За отвагу», медали «За взятие Кёнигсберга», «За победу над Германией», «За победу над Японией», послевоенные юбилейные награды, знаки — Гвардейский и «Отличник пожарной охраны». Награды на подушечке дополнила кипа почётных грамот за победы в труде.

Сотни фотографий, награды — это своеобразный семейный музей, в котором бережно хранится память о жизненных событиях и волнующих эпизодах. А их у Белозёровых столько, начни подробно рассказывать — за неделю не справишься.

Дороги войны

Отечественная война застала Белозёровых в совхозе «Большевик». Ныне его поля заняты предприятиями, сооружениями и жилыми домами Переславля. От самого совхоза остались одни воспоминания старожиллов города да почтовый ориентир — посёлок «Большевик». А в те годы это было приличное хозяйство. Здесь трудился столяром глава семьи Иван Александрович. И слыл по всей округе непревзойдённым мастером. Его и старшего сына Апполинария, который учительствовал в Нагорье, призвали в армию в один день — 31 октября 1941 года. Иван Александрович вернулся домой после войны, а Апполинарий сложил свою голову на Днепре.

31 октября, 1942 года был призван и Дмитрий Белозёров — тракторист совхоза. Ему едва стукнуло 18. Мальчишка, что там говорить, но в те годы молодые выросли быстро.

«Эх, путь-дорожка, фронтовая, не страшна нам бомбёжка любая»... — эти строки из песни фронтовых водителей про него, Дмитрия Белозёрова. Как наиболее выносливый, он был отобран водителем в 24 Гвардейскую тяжёлую миномётную бригаду, в составе которой прошёл всю Отечественную. Гвардейцы бригады находились в резерве Ставки Верховного Главнокомандования. В резерве — отнюдь не означает быть постоянно в запасе, на тыловых рубежах. Ставка бросала свои резервы именно туда, где намечалось наступление или создавалась тяжёлая фронтовая обстановка, короче — пекло. Под Козельск, на Курскую Дугу, под Витебск, Оршу, в Прибалтику, в Восточную Пруссию... Дороги войны — эшелоны, скрытые ночные манёвры, рёв и канонада боя: «Знать не знаешь доли своей. Может, крылья сложишь посреди степей...»

Победа

Смирился и со своей долей Дмитрий Белозёров. Сожжённые поля и леса, изуродованная земля и города, зияющие чёрными глазницами окон. Что он в этом море трагедии и смерти — капля, пылинка? И когда в Кёнигсберге услышал залпы Победы, закружилась голова от неверия: он жив, цел и ни одной царапины. Ну всё, слава Богу, отвоевались. С особой тщательностью помыл водитель Белозёров своего верного «коня» — американский «студебеккер». Вычистил,

протёр, вылизал, заменил масло, проверил на ходу — работает как часики. Только миномётную установку снять осталось, и хоть на стройку, в поле — куда угодно.

Солдат не знает замыслов командования. Он выполняет приказы. Не выполнишь — угодишь под трибунал. Под мирный перестук колёс гвардейцы бригады отправились с Запада, перемахнули всю страну, выгрузились вблизи Читы на станции Песчанка и своим ходом пошли по испепеляющим от жары пескам Монголии навстречу новым боям с военными фанатами — войсками Японии.

Он ещё раз изумился, когда внезапно стихла канонада, наступила тишина. По радио объявили о капитуляции японских войск, а он, представьте-ка, жив. Потопать ногами по земле, что ли, для убедительности.

Домой

Бригада вернулась на Родину, расположилась в казармах. Водитель Белозёров сразу же принялся за машину — вылизал до последнего винтика, поменял масло, заправил топливом, проверил на ходу.

Шли дни, но куда больше не посылали. Странно как-то... Прибывали новобранцы, их надо было учить вождению. Надо, значит надо. Дмитрий Белозёров кого хочешь научит — у него громаднейший боевой опыт за плечами. Дай ему медведя, так он с него десять шкур спустит, а научит вождению по болотам и пескам, маскировке и маневрам во время бомбёжек. Этот «Михаил» у него ночами спать не будет, а изучит всю машину до последней загогулилки, сроднится с ней и станет единое целое. Зачем? Да затем, что водитель отвечает за боеспособность всего экипажа миномётной установки. Зевнул разок, и осталась на память только глубокая воронка.

Демобилизовался Дмитрий Иванович в 1947-м, оставив после себя когорту первоклассных военных водителей из 45 человек. 13 лет проработал в гараже фабрики киноплёнки. Его машину, крытую брезентом, знал в то время весь Переславль. Всегда исправна, на ходу, и водитель при ней — редкостный профессионал. Кого послать за технологическим серебром или золотом? Белозёрова. Кто отвезёт рабочих в подшефное хозяйство и доставит обратно? Он же. Кто доставит больного из района и не застрянет в хляби?.. С утра, бывало, как заведёт машину, так и крутится на ней до заката словно муха на розетке. Люди при встрече кланялись и благодарили за труд.

И всё бы хорошо, но, кроме боевых наград, фронт наградил его ещё и профессиональной — радикулитом. С годами, стервец, так начал прижимать: ни охнуть, ни вздохнуть, ни повернуться. Интенсивная шофёрская работа стала просто не по здоровью.

Трудовые будни

Но неужели ж влюблённый в своё дело человек, который просто не мыслит жизни без «баранки», пропадёт? Отнюдь. Боевого водителя пригласили на работу в пожарную часть. Здесь Дмитрий Иванович отработал ещё 27 своих водительских лет и неизменно — под первым номером. То есть, по тревоге он в считанные мгновения занимал своё место, в полной уверенности: машина не подведёт хоть в городе, хоть в распутицу на дорогах района. И она действительно не подвела ни разу за все годы. Уняв стихию и заправив цистерну водой, он вновь становился первым на выезд.

А много ль было пожаров за его многолетнюю работу в пожарной части? Дмитрий Иванович пожал плечами: да кто ж их считал? Хватало работы, но ничего героического он не совершил. Не лез в разбушевавшееся пламя, не выносил людей. Что такое большой пожар? Это значит, что огню дали волю и он пошёл гулять, что называется, во всю ивановскую. А если ты прибыл на место в считанные минуты, и сразу же экипаж «придавил» огонь? Жарковато, конечно, бывало, не без этого. А разве в монгольской пустыне было легче? А на фронте? Вспомнишь, так тебе этот пожар костерочком покажется, но рот, знамо дело, не разевай.

— Ну, и другое возьмём в толк, — говорит Дмитрий Иванович, — в Переславле десятки прудов. Люди думают, что это для украшения города. И для этого — тоже, но я ведь знаю, как за ними следили раньше. Они содержались в чистоте, и каждый, буквально каждый пруд был оборудован пирсом для подъезда пожарной машины и забора воды. Что сегодня?

Баррикады из газовых плит, проржавевших кузовов, старых холодильников и мешков с мусором. Посмотришь сегодня на иной пруд, душа замирает, избави Боже, полыхнёт рядом, пять минут — и вода в цистерне кончилась, а до пруда не добраться. Пожарная машина — не вертолёт, чтобы перелететь через баррикады. Не знаю, что-то случилось в последние годы. То ли люди потеряли бдительность, стали беспечнее, а огонь этого не прощает. Пожары, конечно же, бывают не каждый день, но даже один таких дел может наворотить — волосы станут дыбом. Не допустить его — это главное. Кто не помнит, как строго было на предприятиях с противопожарной безопасностью... Спрос был строгий. Я тоже участвовал в этих проверках и не одни подошвы стёр. Работа муторная, кажется бестолковой и бесполезной, а сколько бед предотвратила: сотни.

Потом Дмитрий Иванович, прищурившись, долго вглядывался в фотографию.

— Это ветераны нашей пожарной части. Когда сделан снимок, даже и не помню. Давно. — Вздохнул тяжело: — Иных уж нет на этом свете. — У него стали подплаваться глаза, мы вышли во двор, в сад. Походили вдоль дома, который супруги Белозёровы поставили сами много лет назад. У калитки стоял «Жигулёнок». Дмитрий Иванович до сих пор водит машину.

— Можете не верить, — говорит он, — 60 с лишним лет за рулём с тех пор, как прошёл фронтную школу. За эти годы — ни единой аварии, ни одного нарушения, ни одного «прокола» в правах. Самому не верится, но это так.

Заслуженный отдых

Постарел сад, посаженный когда-то. На кроне каждого дерева я увидел дуплянки для птиц. Стая синичек порхала с дерева на дерево.

— Что-то скворцов не видно в последние годы — экология, наверно, а вот синички живут. Зимой подкармливаем. Под крышей ещё воробьиная семья. Её хозяин, ну просто воробей-мудрец. Порядок поддерживает, следит и бережёт своё потомство. Сживаешься с этой жизнью, дорожишь ею, и хочется, чтобы она продолжалась...

Не спится... Отчего же? Человек на отдыхе, и действительно — заслуженном. Рыбалка, телевизор, сад, спи — сколь душа пожелает. И никто не упрекнёт. Летом Дмитрий Иванович на ногах с восходом солнца. В сарае, около деревьев, на земле, копается в машине, ездит к сыновьям на дачи... То, что раньше сделал бы за два часа, ныне хватает на день. Он просто трудоголик — таким уж уродился, и ничего тут не поделаешь.

Зимой и смеркается рано, и рассветает поздно. Много ль ему надо времени для отдыха? Несколько часов, и он остаётся наедине со своими думами, событиями в своей жизни и страны, перебирает их от начала до нынешних дней, где с честью прошёл всё: огонь, воду и медные трубы. Кружит по двору, слушает отдалённый шум на ночном шоссе. Скорей бы уж рассветало, что ли?..